

МАНИФЕСТ СЪЕЗДА СЛАВЯНСКОГО К НАРОДАМ ЕВРОПЕЙСКИМ

Съезд славянский в Праге есть явление новое, как в Европе, так и между самими славянами. Первый раз, с тех пор как мы стали известны в истории, сошлись мы, разделенные члены великого народного племени в большом числе из далеких краев, чтобы, познавши друг друга, как братья, обсудить спокойно свои общественные дела. И мы поняли друг друга не только нашим прекрасным языком, которым говорят 80 миллионов, но и созвучным биением сердец наших и одинаковых душевных наших стремлений. Правда и прямота, которые вели к нашему единению, привели нас к тому, чтобы мы также перед богом и светом высказали, чего мы хотели и какими принципами руководились в этом нашем единении.

Народы романские и германские, некогда славные в Европе, как могучие завоеватели, не только обеспечили себе силой меча свою свою политическую независимость, но умели также всячески удовлетворять свои стремления к господству. Политическое умение их основывалось главным образом на праве сильного, имело в виду свободу только высших классов, правило посредством привилегий, а народу давало только одни обязанности. Теперь в новейшее время удалось силе общественного мнения, расширяющегося, как дух божий во всех землях, поколебать все оковы феодализма и возвратить личностям всюду неотъемлемые, вечные права человека и человечности. Напротив, у славян, у которых свобода искони была любима тем горячее, чем меньше у них проявлялась тяга к господству и завоеванию, между тем как стремление к независимости всегда препятствовало образованию какой-нибудь высшей средней государственной силы, с течением времени одно племя за другим попадало в зависимость от чужих. Путем политики, которая давно уже осуждена по заслугам перед очами всего света, лишен был наконец и рыцарский народ польский, наши благородные братья, своего государственного существования. Целый великий свет славянский, казалось, очутился всюду в порабощении, которого добровольные слуги не упустили отрицать у славян даже и способность к свободе. Однако ж, это

нелицеприятное мнение, наконец, падает перед словом божиим, которое говорит к сердцу каждого в огромных переворотах настоящего времени: дух, наконец, дошел до победы; волшебство старой клятвы сломано; тысячелетнее здание, которое строила и защищала сюровая сила, вместе с хитростью и помрачением умов, рассыпается перед глазами нашими в прах; свежий дух жизни, веющий по широким нивам, творит новые миры; слово свободное, действие свободное стали, наконец, действительностью. Теперь поднял голову и долго притесненный славянин, он сбрасывает с себя насилие и требует могучим криком своего старого наследия — свободы. Сильный числом, еще сильнейший своею волею и новоприобретенным единодушием своих племен, он, тем не менее, остается верен природным свойствам и принципам своих отцов: не желает ни господства, ни завоевания, но желает свободы как для себя, так и для каждого, желает целиком, безусловно, чтобы она была признана за наисвятейшее право человека. Поэтому мы, славяне, отрицаем и ненавидим всякое господство грубой силы, которая идет наперекор законам; отрицаем всякие привилегии и преимущества, как и всякие политические разделения государств, — желаем безусловно равенства перед законом и равной меры прав и обязанностей для каждого; где среди миллионов рождается хоть один порабощенный, там еще настоящей свободы не знают. Да, *свобода, равенство и братство* всех живущих есть наш девиз, как тысячу лет назад, так и теперь!

Однако же мы поднимаем голос свой и излагаем наши требования не только в пользу отдельных личностей в государстве. Не менее, чем человек с его природным правом, свят нам и *народ* с суммой его душевных благ. Жизнь и история присудила некоторым народам более совершенное человеческое развитие перед другими, но при этом все-таки указывает, что стремление к развитию этих последних никогда не может быть ограничено. Природа, не зная народов благородных и неблагородных по существу, не призвала никакой народ к господству над другим и не предназначила никакой народ к тому, чтобы он служил другому средством для его собственных целей; равное право всех на благороднейшую человечность есть закон божий, которого никто не смеет преступить без наказания. Грешно поэтому, если этот закон у самых цивилизованных на-

родов еще не признан и не соблюдается, как следовало. То, от чего отреклись добровольно по отношению к отдельным лицам, а именно владычество и опекунство, — то еще присваивается везде по отношению к отдельным народам; претендуют на господство во имя свободы, не умея делить ее в общее пользование. Так, свободный британец отказывается признать ирландца вполне ему равноправным, так немец грозит насилием многим племенам славянским, если те не захотят помочь сооружению величия Германии, так мадьяр не стыдится присваивать лишь себе право национальной самостоятельности в Венгрии. Мы, славяне, просто презираем все такие претензии, и отвергаем их тем решительнее, чем несправедливее они прикрываются движением свободы. Однако, верные своим природным особенностям и не допуская в себе мести за прежние неправды, мы подаем братскую руку всем соседним народам, которые готовы наравне с нами признавать, а если нужно, то и защищать полную равноправность всех народностей, без различия их политической силы и величины⁵¹.

[Подобным образом порицаем и презираем ту политику, которая позволяет поступать с землями и народами, как с материалом, подчиненным государственной силе, брать, менять и делить их, по произволу, без внимания к племени, языку, правам и наклонностям народов, их природной связи, их прав на самостоятельность. Суровая сила меча решала одна судьбу подавленных народов, от которых не требовалось ничего другого, кроме войска и денег к обеспечению насилия и наружной лести к насильнику.]

Основываясь на убеждении, что могучее духовное движение теперешнего времени требует и нового политического устройства государств, если не в новых границах, то на новых основах, мы предложили императору австрийскому, под которого конституционною властью живет большая часть из нас, чтобы империя его превратилась в союз равноправных народов, на отдельные потребности которых столько же должно обращать внимания, как и на единство государства. Мы видим в таком союзе спасение не только нас самих, но и для свободы, просвещения и гуманности вообще и верим в счастье Европы к осуществлению его. В всяком случае мы решили добиться в Австрии всеми доступными нам способами признания за нашими потребностями таких же прав в государстве, какими уже

пользуются народы немецкий и мадьярский, полагаясь при этом на крепкую поддержку, которая найдется для нас в каждом действитель-но свободном сердце.

[Неприятелям наших народностей удалось напугать Европу пугалом политического панславизма, который будто бы грозит гибелью всему, что приобретено для свободы, просвещения и гуманности. Но мы знаем то волшебное слово, которого одного достаточно, чтобы заклясть это пугало: слово это — *справедливость*.]⁵²